

рассказ

*Роза Хусни*

НА ТИХОЙ тенистой улочке в большом каменном доме на первом этаже жила девочка, которую звали Гульнара, попросту Гуля. Отец Гули был смелый человек, работал спасателем, его посылали то тушить пожар в лесу, то вызывать целую деревню от наводнения, то восстанавливать разрушившийся мост.

Иногда его не было дома по несколько дней и даже недель. Зато, когда он возвращался, всегда привозил Гуле подарок: причудливый камушек с берега далёкой реки, красивое пёрышко редкой птицы, а однажды он привёз котёнка, которого сам вытащил из горящего дома.

Скоро котёнок вырос и превратился в большущего рыжего кота с пушистым хвостом и мерцающими зелёными глазами. Гуля звала его Мусиком.

Мама Гули работала в музее, в отделе старинного костюма, часто брала дочку с собой. Гуля разглядывала красивые платья из шёлка и бархата, вышитые золотыми и серебряными нитками, ожерелья и бусы из сердолика и коралла, серебряные браслеты, кольца, серёжки. Все эти вещи находились за стеклянными витринами на стенах музейной комнаты. Особенно Гуле нравились старинный головной убор – калфак. Бархатная шапочка, украшенная серебряными монетками.

Однажды Гуля увидела, как эти платья и украшения надели на двух девушек и сфотографировали их. Мама сказала – это для альбома. Она сделала замечание одной из нарядившихся девушек:

– Ну, что ты смотришь так хмуро! На тебе такое волшебное платье! Смотри – как казанская царица!

И девушка выпрямилась, изменила выражение лица. Так её и засняли.

Вечером дома Гуля попробовала перед зеркалом посмотреть «как казанская царица». И у неё получилось.

Про другую казанскую царицу – Сююмбике Гуля тоже услышала от мамы. Как-то они проезжали в троллейбусе мимо Казанского кремля, и мама, показывая на высокую башню, сказала. – Это башня Сююмбике!

– Если это башня Сююмбике, почему её саму там не видно? – спросила Гуля.

– Потому что казанская царица жила четыреста лет назад, – сказала мама, – и даже раньше.

У мамы была подруга Дильбар, она работала в музее Композитора. Иногда мама забирала Гулю из детского садика пораньше, и они вместе заходили в музей к Дильбар по пути домой. Мама и Дильбар уединялись в крошечной комнате у входа, пили там чай и разговаривали, а Гуле разрешали ходить по комнатам музея и разглядывать экспонаты.

Гуле особенно нравилась последняя комната – посвящённая памяти Композитора. Здесь были белые стены, белые занавески, стоял белый рояль и находился большой портрет Композитора в чёрном костюме, с печальными глазами.

Если в музей приходили посетители, Дильбар выходила из комнатки и проводила экскурсию. Показывала фотографии старой Казани, фотографии знаменитых артистов, писателей, в чьих домах бывал Композитор, рояль, на котором он играл, старинные вещи. И включала его музыку.

Из всей музыки, написанной Композитором, мама особенно выделяла «Адриатическое море», она говорила, что когда слышит эту мелодию, будто попадает в прекрасную тёплую страну, где много солнца, ласковое море, и кажется, что наступило счастье. Говорила, что мелодия связана с лучшими днями



её жизни: она услышала её в тот день, когда познакомилась с Анваром – Гулиным папой, когда защищала диплом с отличием. Когда родилась Гуля, по радио тоже передавали «Адриатическое море». У них в доме хранилась пластинка с этой мелодией, мама очень дорожила ею и ставила на проигрыватель только по особым случаям. Например, когда папа возвращался из экспедиции домой.

Сегодня был как раз такой день. Мама с утра хлопотала, прибиралась в доме, потом отправилась на базар купить свежего мяса и кураги, чтобы испечь бляш (бабушкин пирог) и сладкий пирог с курагой, папа это любил.

Гуля осталась дома одна. Сидела в уголке за маленьким столиком и перебирала свои «сокровища». Тут были цветные стёклышки, перо фазана, коралловая бусинка, глиняный змей Зилант, пупсик, часики, правда, сломанные, не тикающие, камушки, подаренные папой, белый и голубой мелки, которыми так хорошо рисовать на асфальте, бусики из засушенной рябины, японский веер – его маме подарил один японец, посетивший музей. И оловянный солдатик, его Гуле подарил двоюродный брат Айрат на день рождения, у него их было целых сорок штук, он всё время играл ими.

Гуля прошла в мамину комнату. Увидела пакет на тумбочке. В нём лежал калфак из музея. Мама сказала, что его надо «отреставрировать», пришить оторвавшуюся серебряную монетку к бархату. Тут же на тумбочке лежала пластинка «Адриатическое море», мама приготовила её на вечер, когда вернётся папа.

Гуля взяла пластинку в руки, и вдруг та выскользнула из рук, упала на пол, разбилась. Был даже слышен хруст. Гуля замерла на месте. Медленно-медленно подняла с пола конверт, вынула из него две половинки разбитой пластинки. Что делать? Мама говорила, что это пластинка «счастливая»! Если

разбилась – значит, случится несчастье! Может, папа попадёт в какую-нибудь аварию, и его самого надо будет спасать! Или мама сейчас переходит улицу, и на неё как раз наедет трамвай! Самые ужасные картины представились Гуле.

Что делать? Как склеить пластинку? Или – как достать другую, целую, и успеть вложить в конверт, прежде чем мама придёт домой! Не то чтобы Гуля боялась, что мама будет ругаться – это перенести можно! Гуля боялась несчастья с мамой или папой. Как этого избежать?!

Если бы найти какого-нибудь волшебника, попросить его! Гуля оглядела комнату. Нет, здесь никто не показался ей могущественным добрым волшебником. А если поискать злого? Конечно, он что-нибудь попросит взамен, но зато – совершит волшебство!

Гуля ещё раз оглядела комнату, посмотрела в окно. В сквере на скамейке сидел старичок. В пальто и шляпе. На дворе лето, а он в пальто и шляпе. Лицо хмурое, даже, можно сказать, злое. Это старичок из соседнего дома, он часто приходил сюда посидеть на скамейке.

Мама говорила про него: «Это не врач – злодей, чуть здоровый зуб мне не вырвал! Хирург называется!»

«Так он злодей? – подумала Гуля. – Или, может, злой волшебник?»

Она быстро сложила свои «сокровища» в коробку из-под торта, принесла из маминной комнаты калфак, надела его на голову, сняла с большого стола атласную скатерть, вышитую цветами, накинула её на себя, подпоясалась лентой. Посмотрела в зеркало – да, она выглядела настоящей казанской царицей! Только надо выпрямиться и сделать другое выражение лица!

Гуля взяла в руки коробку с «сокровищами», подошла к окну и, глядя на старичка в сквере, произнесла как можно более торжественно:

– Я казанская царица Гульнара-бика, отдаю тебе, Злодею, все мои сокро-

вища, а ты взамен вернёшь мне мамину пластинку! Считаю до ста.

Гуля отошла от окна, уселась в кресло, закрыла глаза, стала медленно считать:

– Раз, два, три, четыре, пять...

Мусик прыгнул ей на колени и замурлыкал, будто одобряя её слова. Ещё не досчитав до ста, Гуля внезапно уснула. То ли Мусик мурлыкал очень уютно, то ли – от переживаний.

Проснулась она от звона посуды на кухне. Видно, мама готовила обед. Вкусно пахло печным тестом.

«Мама вернулась», – подумала Гуля и вспомнила про пластинку. Вскочила с кресла, подошла к тумбочке. В конверте лежала целая пластинка! Взглянула в окно – «Злодея» на скамейке не было. Коробка с «сокровищами», лежавшая на подоконнике, исчезла.

– Ур-ра! Получилось! – подпрыгнула Гуля.

Она сняла с головы калфак, сунула его в пакет на тумбочке, сняла с себя атласную скатерть, расстелила снова на столе. Конечно, жаль «сокровищ», зато мамина пластинка цела! «Счастливая» пластинка!

И когда вечером домой вернулся папа, опять был праздник!

Ели бляши, слушали «Адриатическое море», шутили над Мусиком, папа показал подарки, которые он им привёз. Маме – красивое ожерелье, а Гуле – настоящие часики на ремешке, тикающие!

И тут Гуля не выдержала, расска-

зала маме и папе, как она нечаянно разбила «счастливую» пластинку, как ей пришлось стать казанской царицей, поменять свои «сокровища» на «волшебство», чтобы пластинка снова стала целой.

– Ах, ты моя казанская царица! – сказала мама и поцеловала её. А папа поднял на руки и закружил по комнате. Так что в этот день всё кончилось благополучно.

Лишь позже Гуля узнала, что чудеса чудесами, но и её мама, будучи умной женщиной, действовала по-своему. Да, она любила мелодию «Адриатическое море», считала её для себя «счастливой», но чтобы не зависеть от всяких случайностей, она накупила много таких пластинок, и если разбивалась одна, заменяла её другой, целой.

И в тот день, когда вернулась домой с базара и застала в кресле спящую дочь с заплаканным лицом, увидела на полу разбитую пластинку, она просто заменила её другой, целой, а коробку с «сокровищами» убрала с подоконника в шкаф, отдала лишь на следующий день.

Любящие, умные, добрые родители – это тоже большое счастье, поняла потом Гуля.

А в доме её ещё долго называли «казанской царицей». Пока она не выросла.

Так что в Казани жила не только царица Сююмбка, другие тоже были.

А, может, и сейчас есть!

